

RU

Редкие лексические единицы со значением лица в памятниках Казанского края XVI-XVII вв.

Николаева Н. Г., Хусаинова Р. Р.

Аннотация. Цель исследования - установить значение редких имен со значением лица из деловых документов Казанского края XVI-XVII вв. на основании словообразовательного и контекстного анализа. Научная новизна исследования заключается в отборе лексических единиц, не зафиксированных в исторической лексикографии русского языка. Анализ выбранных на основании этого принципа слов показывает, что значительная их часть представляет собой словообразовательные синонимы к лексическим единицам, фиксируемым историческими словарями русского языка, некоторые примеры представляют явление словообразовательной омонимии. Ряд имен имеют более позднюю фиксацию в исторической лексикографии, некоторые имена носят диалектный характер, также встретилось одно заимствование. В установлении семантики данных лексических единиц в редких случаях имеет значение узкий контекст их употребления в памятниках. В результате доказаны значение жанровой принадлежности памятников для лексико-словообразовательной характеристики изучаемых лексических единиц, а также важность регулярности словообразовательных моделей, продуктивных в тот период, для установления их значения. Статья вводит в лексикографический оборот ряд новых обозначений лица.

EN

Rare Lexical Units with the Meaning of a Person in the Records of the Kazan Region of the XVI-XVII Centuries

Nikolaeva N. G., Khusainova R. R.

Abstract. The aim of the study is to define the rare names with the meaning of a person from business documents of the Kazan region of the 16th-17th centuries based on word-formation and contextual analysis. The scientific novelty of the study lies in the selection of lexical units that are not recorded in the historical lexicography of the Russian language. An analysis of the words chosen on the basis of this principle shows that a significant part of them are word-forming synonyms for lexical units fixed by historical dictionaries of the Russian language, some examples represent the phenomenon of word-forming homonymy. A number of names have a later fixation in historical lexicography, some names are dialectal in nature, and there was also one borrowing. In defining the semantics of these lexical units, in rare cases, the narrow context of their use in records matters. As a result, the significance of the genre affiliation of records for the lexical and derivational characteristics of the studied lexical units, as well as the importance of the regularity of word-formation models that were productive in that period, for defining their meaning was proved. The article introduces a number of new designations of a person into lexicographic circulation.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что изучение лексического состава региональных памятников письменности по тематическим группам является неотъемлемой частью воссоздания полной картины образования региолектов. В свою очередь, изучение словарного состава региональных памятников письменности необходимо для составления полной картины о лексике русского языка древнерусского периода.

Неслучайно в последние годы уделяется особое внимание изучению языка региональных памятников, в частности деловой письменности XVI-XVIII вв. Исследованы документы различных жанров, хранящиеся в местных архивных фондах, опубликованы монографии, статьи, региональные исторические словари. Велись и ведутся работы по региональной лексикологии. Эти исследования опираются на солидную теоретическую базу, созданную российскими лексикологами и лексикографами. В нашей работе мы взяли за основу труды О. В. Никитина (2021a; 2021b) о деловой письменности в истории русского языка, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой (1987) по диалектной лексикографии, а также Г. А. Николаева (1987) по историческому словообразованию русского языка.

В настоящее время большое внимание уделяется изучению памятников письменности с фокусированием на антропоцентризме языковых категорий, выводящем на когнитивный подход к языку, и прежде всего в сфере номинации. Наименования лиц представляют одно из главных проявлений языкового антропоцентризма, «поскольку человек в наименованиях лиц предстает во всем многообразии присущих ему свойств, качеств, установившихся связей и отношений с реальным миром» (Хусаинова, 2014, с. 663). Данная группа значительна по объему и является постоянно пополняемой областью наименований. Человек всегда был и остается объектом пристального внимания окружающих, и его самые разнообразные характеристики на основе взаимоотношений с другими людьми, предметами и явлениями действительности нашли выражение в огромном числе слов. Данную группу слов рассматривают как в современном аспекте, так и в историческом В. М. Грязнова (1987), Е. И. Демина (2004), М. Е. Локтева (2013), Т. В. Бредихина (1990).

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: во-первых, для определения редких имен со значением лица была проведена работа по поиску и сбору древнерусской лексики в картотеках и словарях, осуществлено систематическое и целенаправленное обследование десятков памятников письменности и литературы; во-вторых, отобранные лексические единицы были проанализированы с точки зрения их лексической семантики и словообразовательных характеристик.

В качестве основных методов исследования были применены: описательный метод, заключающийся в сборе, анализе, обобщении и классификации материалов; сравнительно-сопоставительный метод, использующийся для выявления специфических черт деловой письменности Казанского края XVI-XVII вв.; статистический метод, помогающий установить количественные и частотные характеристики словоупотребления; метод ареальной лингвистики, позволяющий установить принадлежность употребления лексического состава на территории Казанского края.

Материалом исследования послужили следующие источники:

Акты исторические и юридические и другие царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Казань, 1859. Т. 1.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Терра, 1995. Т. 4.

Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1932.

Писцовые книги Казанского уезда 1685-1687 гг.: публикация описаний Зюрейской дороги / сост. Д. А. Муштафина. Казань, 2009.

Покровский И. М. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 года. Казань, 1906.

Словарь русских говоров Карелии и определенных областей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1995-2002. Вып. 2-5.

Словарь русских народных говоров (СРНГ). Л./СПб.: Наука, 1965-2010. Вып. 1-43.

Словарь русского языка XI-XVII вв. (СлРЯ XI-XVII). М.: Наука, 1975-2008. Вып. 1-30.

Словарь русского языка XVIII века (СлРЯ XVIII). Л./СПб.: Наука, 1984-1991. Вып. 1-15.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно представляет новый материал, который дополнит исторические (и региональные) словари русского языка и расширит лингвокультурологическую перспективу изучения Казанского региолекта.

Полученный результат исследования можно использовать в процессе преподавания таких дисциплин, как история русского литературного языка, словообразование, диалектология, а также в специальных курсах по историческому словообразованию и исторической лексикографии.

Основная часть

Тематическая группа наименований лиц в деловых документах Казанского края XVI-XVII вв. занимает 8% от общего количества лексических единиц. Исследованию подлежали слова со значением лица, отражающие различные характеристики человека. Личные имена и фамилии, в том числе всевозможные изменения личных имен и фамилий реальных лиц в список исследуемого объекта не вошли вследствие специфичности их семантики, но вошли прозвища, которые отражали непосредственно род деятельности того или иного человека, например: «...прозвище Колодяник, з братом Петрушкою; во дворе...» (Писцовые книги..., 2009, с. 168).

По нашим данным, в исследуемых документах Казанского края встречается 0,06% лексических единиц, обозначающих наименования лиц, значения которых не были зафиксированы в словарях. Рассмотрим некоторые из этих единиц (в скобках указано количество употреблений, зафиксированное у данной лексемы).

БОТМОН (1). Встречается только в документах Казанского края второй четверти XVII в. в значении наименования лица. Возможно, оно представляет вариант слова *батман*, значение которого, однако, с антропонимикой не связано: «1. Мера веса; 2. Связка лука или чеснока соответствующего веса» (СлРЯ XI-XVII, 1975, вып. 1, с. 79). В СлРЯ XVIII (1985, вып. 2) мы находим наиболее близкое нашему слово *боцман*, зафиксированное в разных написаниях, в том числе и как *боцмон*, в значении: «Унтерофицер, в ведении которого находятся матросы, а также корабельный такелаж, якоря и пр.» (с. 117). К сожалению, полный контекст не дает нам возможность с уверенностью раскрыть семантику данного слова, но можно утверждать, что оно является *poen agentis*: «Ивашко Михайлов сын ботмон. Дв. Тимошка Ульянов сын асламчей с сыном с Митькою» (Материалы по истории, 1932, с. 87).

Ваульник (1). В СлРЯ XI-XVII не дано определения данного слова – приведен лишь пример из Казанского источника XVI в.: «Один стрелецкой ваульник, а ныне на Чебаксари, а жил в нем посацкой человек Федка мясник...» (Материалы по истории, 1932, с. 14). В СРНГ (1969, вып. 4) приведено слово *ваула*: «1. Тот, кто страдает заиканьем; заика. Шадр. Перм., 1852. Перм.; 2. Ленивый человек; лентяй, лентяйка. Оренб., 1849» (с. 73). Также в СРНГ (1969, вып. 4) приводится глагол *ваулить*: «1. Заикаться. Перм., Даль. 2. Говорить нескладно, несвязно; мямлить. Перм., Даль» (с. 73). Скорее всего, слово *ваульник* – производное от глагола *ваулить* со значением действующего лица, то есть ‘заика, мямля’. В таком случае оно является словообразовательным синонимом слову *ваула* в его первом значении, который не фиксируется в словарях, но является отглагольным существительным со значением лица, произведенным по известной и довольно продуктивной словообразовательной модели.

Жерлицик (1). Фиксируется во второй четверти XVII в.: «Дв. вдова Соломанидка Лукоянова дочь Овдокимовская жена жерлицика з детьми, с Ывашком да с Мишкою Овдокимовыми детьми» (Материалы по истории, 1932, с. 114). В СлРЯ XI-XVII (1978, вып. 5) присутствует слово *жерлица*: «Снасть для ловли щук и других хищных рыб (жерлица)» (с. 93). Слово *жерлицик*, возможно, означает человека, который ловил рыбу с помощью жерлицы или изготавливал эти снасти, так как слова с суффиксом -щик, образованные от существительных, имеют значение «лицо по отношению к объекту, орудию, месту своих действий, деятельности» (Русская грамматика, 1990, с. 60).

Затничик (1). Данное слово встречается только в четвертой четверти XVII в. в документе Казанского края: «...велено ему учинить роспись... служилым казаком, и пушкарем, и затничиком, и воротником пашни и поскольку чети...» (Акты исторические..., 1859, с. 183). Вероятно, слово употреблено с метатезой, из-за чего его невозможно обнаружить в словарях. Ср.: в СлРЯ XI-XVII (1978, вып. 5) *затинчик* – «служилый человек, обслуживавший “затинную” артиллерию» (с. 320).

Калолшник (1). Фиксируется во второй четверти XVII в.: «Дв. Исачко, прозвище Богдашко, Парамонов сын калолшник с пришьмышем с Костьюкою Потапьевым...» (Материалы по истории, 1932, с. 90). Вероятнее всего, наличествует опечатка, подразумевалось слово *калошник*. Слово *калоша* в значении ‘обувь’ фиксируется в последней четверти XVIII в. (СлРЯ XVIII, 1989, вып. 5, с. 86). Здесь мы имеем дело, по всей видимости, с производным от слова *калоша/колоша/колошь* – «отверстие вверху плавильной печи для засыпки в нее руды и угля» (СлРЯ XVIII, 1998, вып. 10, с. 107-108), то есть *калошник* – тот, кто выполнял эту засыпку в металлургическом процессе.

Колодяник (1). Относится к четвертой четверти XVII в.: «...прозвище Колодяник, з братом Петрушкою; во дворе...» (Писцовые книги..., 2009, с. 168). Мы можем предположить, что это вариант слова *колодник* – «пленник, узник, арестант» (СлРЯ XI-XVII, 1980, вып. 7, с. 247). Об этом косвенно говорит указание «прозвище». В случае, если бы словом *колодяник* обозначалась профессия (тот, кто чистит *колодцы*, или тот, кто работает с бревнами (*колодой*), например *гробовщик*), вряд ли бы добавили, что это прозвище.

Крестовщик (1). Слово встречается во второй четверти XVII в. В СлРЯ XI-XVII (1981, вып. 8) фиксируется похожее слово *крестечник* – «мастер, изготавливающий нательные кресты» (с. 41). Возможно, слово образовано от существительного *крест* при помощи суффикса -овщик и является словообразовательным синонимом слова *крестечник*, имеющего ту же производящую основу. «Дв. Якунька Власов сын крестовщик, прозвище Богдашко, з детьми...» (Материалы по истории, 1932, с. 73).

Крестовница (1). Слово также встречается во второй четверти XVII в.: «Дв. вдова Офимка Петрова дочь Ефремовская жена, прозвище Крестовница, с сыном з Гришкою Ефремовым» (Материалы по истории, 1932, с. 114). Возможно, жена или дочь изготовителя крестов, что подразумевает потенциальное производящее **крестовник* (*крестовник* > *крестовница* в значении лица женского пола). Это подтверждает возможность синонимического ряда *крестовщик/крестечник* и дополняет его еще одним образованием.

Мерейник (1). Данная лексическая единица встречается только в документах Казанского края второй четверти XVII в.: «Дв. Якунька Павлов сын Костромитин, а у него работник Ивашко Матвеев строгальщик гулящей человек. Дв. Купряшка Кузьмин мерейник з детьми, с Тимошкою да с Купряшкою, да с пришьмышем с Ортюшкою Филиповым...» (Материалы по истории, 1932, с. 88). Слово образовано, вероятно, от существительного *мерея* ‘узор на коже’, то есть *мерейник* – тот, кто занимался выделкой (тиснением) кож.

Мохорник (1). Лексическая единица встречается только в документах Казанского края XVI в. Исходя из значения слова *мохор* ‘кисть, султан’, зафиксированного в СлРЯ XI-XVII (1982, вып. 9, с. 280), мохорник каким-то образом был связан с военной или геральдической атрибутикой: вероятнее всего, он производил эти военные аксессуары, особенно если принять во внимание его соседство с *бронником*, то есть с мастером по изготовлению брони, оружейником: «...во дворе Иванко Мохорник, во дворе Ондрушка бронник...» (Материалы по истории, 1932, с. 169).

Налудник (1). Фиксируется в XVI в.: «Да в тупике на правои стороне... во дворе Истомка налудник...» (Материалы по истории, 1932, с. 40). Диалектный глагол *налудить* в значении ‘отругать’ (Словарь русских говоров..., 1996, вып. 3, с. 351), вероятно, отражает результат метафорического переноса основного значения глагола ‘покрыть полудой’. Историческими словарями русского языка данный приставочный глагол не фиксируется, но его бесприставочный вариант известен с XVI века, во всяком случае в производных от него *лужение* и *луженый* (СлРЯ XI-XVII, 1981, вып. 8, с. 294). Учитывая высокую вероятность образования от него приставочного глагола *налудити*, от которого, в свою очередь, было произведено существительное *налудник* со значением лица, выполняющего действие производящего глагола, можно предположить, что *налудник* – человек, который покрывает полудой.

Орешница (1). Слово употребляется во второй четверти XVII в.: «Дв. вдова Манька Микифорова дочь орешница» (Материалы по истории, 1932, с. 112). Значение слова в диалектном словаре не имеет отношения к нашим

памятникам, так как ни одно из них не обозначает лицо: «1. Птица. 2. Растение (ореховый куст). 3. Картофельная каша» (СРНГ, 1987, вып. 23, с. 338). В СлРЯ XI-XVII (1987, вып. 13) есть слово *орешник* – тот, кто собирает орехи и торгует ими (с. 68). Слово *орешница* как производное от него со значением лица женского пола может означать жену или дочь орешника.

Перекаг (1). Слово в значении наименования лица встречается только в документах Казанского края во второй четверти XVII в., в остальных словарях выступает как название растения. В СРНГ (1991, вып. 26) приводится слово *перекаговать* – «1. Заново перестраивать (дом, избу), перебирать. Новоторж. Твер., 1913-1915. Пудож. КАССР. Перм., Свердлов. Омск. Новосиб., Том.» (с. 119). Возможно, *перекаг* – это человек, который строил или перестраивал дома, контекст также подсказывает нам эту семантику: «Дв. Петра Киреева; у него дворник Ивашко Семенов строгальщик, перекаг, с сыном с Ъвашком...» (Материалы по истории, 1932, с. 122). Следует отметить, что в нашем списке редких обозначений лиц это единственное образование нулевой суффиксации.

Подсевальник (1). Встречается в документах Казанского края второй четверти XVII в.: «Дв. Федька Селиверстов подсевальник з детьми, с Прохорком да с Тymoшкой...» (Материалы по истории, 1932, с. 108). Возможно, словообразовательный синоним слова, приведенного в СлРЯ XI-XVII (1990, вып. 16): *подсевальщик* – «тот, кто занимается подсеиванием – просеиванием хлеба через особые решета (грохоты) от сора» (с. 54). Произошло данное слово от глагола *подсевати* с соответствующим значением.

Светчик (1). Первая четверть XVII в.: «...к Николе гостину двор светчика Федки Левонтьева...» (Покровский, 1906, с. 28). Возможно, это словообразовательный синоним слова *свечник*.

Сырник (1). Встречается в XVI в.: «...во дворе Иванко сырник...» (Материалы по истории, 1932, с. 40). Толкования слова *сырник* как наименования лица не приводится ни в одном из словарей. Так, например, в «Толковом словаре» В. Даля (1995) *сырники* – «пирожки, блинцы, начиненные творогом; сырник *перм.* – сырые дрова, лес» (с. 386). Можем предположить, что в документах Казанского края слово *сырник* образовано от слова *сыр* и имеет значение 'человек, изготавливающий и/или продающий сыр или творог'.

Удник (3). Встречается в документах Казанского края в первой четверти XVII в. Происхождение данного слова можно отнести к глаголу *удить* – «ловить рыбу удочкою, на уду» (Даль, 1995, с. 483). Но в древнерусском языке издревле существовало слово *рыбарь* (позже *рыбак*) для обозначения рыболовов. Так что, скорее всего, слово мотивировано существительными *уда* и *удник* – «тот, кто эти рыболовные орудия изготавливает». Это косвенно подтверждает соседство *удника* с *ножевником* в нашем документе: «...о дворе Ондрюшка Микитин удник, во дворе Тренка Васильев сын ножевник...» (Материалы по истории, 1932, с. 148).

Хмельник (2). Во всех словарях слово встречается в значении «место, где растет хмель», только в Казанском крае во второй половине XVII в. под словом *хмельник* подразумевается *agens*. Возможно, это словообразовательный синоним слова *хмелевщик* – «торгующий хмелем» (Даль, 1995, с. 571): «Дв. Савка Алампеев сын хмельник. Дв. Гришка Олексеев сын соденник...» (Материалы по истории, 1932, с. 74). Это слово, таким образом, принадлежит той же словообразовательной модели, что и слово *орешник* (см. выше).

Шелковник (1). Вторая четверть XVII в. В словаре В. И. Даля (1995) *шелковник* – «перм. шелковый сарафан» (с. 646). В том же словаре фиксируется слово *шелковщик* – «торгующий швейным шелком» (с. 646). Вероятно, слово *шелковник* можно рассматривать как его словообразовательный синоним: «Дв. вдова Богдановская жена шелковника Анютка Филимонова дочь з детьми, с Якунькою да з Гришкою да с Ъвашком...» (Материалы по истории, 1932, с. 111).

Таким образом, становится очевиден ряд факторов, способствующих определению значения редких лексических единиц со значением лица из деловых памятников Казанского края. В первую очередь это регулярность словообразовательных моделей образования *nomina agentis* в русском языке, далее следует учитывать диалектные особенности лексической семантики отдельных единиц (в том числе потенциальных мотивирующих), в редких случаях подсказку дает узкий контекст словоупотребления.

Заключение

Основным выводом нашего исследования является доказанное значение памятников деловой письменности Казанского края как научного источника для историко-лингвистических исследований. Оно вводит в научный лексикографический оборот ряд лексических единиц, потенциально существующих в языке, но не зафиксированных ранее историческими и диалектными словарями.

Следует отметить, что прояснению значения редких слов нередко помогает жанровая особенность документов, которая исключает значение не-лица в определенном контексте. Существенным подспорьем являются диалектные словари, поскольку региональная лексика зачастую дольше сохраняет слова и явления, вытесненные объективным ходом исторического развития на языковую периферию.

В словообразовательном отношении слова со значением лица образуются преимущественно с суффиксом *-ник* от других имен. Второе по частотности словообразующее средство в этой сфере – суффиксы *-чик* и *-щик*, они встречаются гораздо реже. Одно слово из нашего списка образовалось с помощью нулевого суффикса. Встретилось и непроизводное слово (заимствование *ботмон*). В целом такая картина свидетельствует об общенародном характере представленных словообразовательных моделей и соответствует жанровой принадлежности исследуемых памятников.

Семантическая интерпретация редких слов не представляла в большинстве случаев трудностей в силу регулярности словообразовательных моделей, задействованных в их образовании. Следует отметить также активное развитие словообразовательной синонимии в сфере имен со значением действующего лица.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в более широкой систематизации всего собранного материала памятников деловой письменности Казанского края, которая позволит не только укрепить выводы в отношении словообразовательных особенностей и семантических характеристик лексических единиц, но и представить лингвокультурологическую информацию о людях, населявших Казанский край в XVI-XVIII вв.

Источники | References

1. Бредихина Т. В. Наименования лиц в русском языке XVIII века: дисс. ... к. филол. н. Алма-Ата, 1990.
2. Грязнова В. М. О модификации родовой семы наименований лиц в статистическом и динамическом аспектах в русском литературном языке XIX в. // Эволюция семантических и функциональных свойств русской лексики: межвуз. сб. науч. тр. М., 1987.
3. Демина Е. И. Наименования лиц в современном русском языке: дисс. ... к. филол. н. Самара, 2004.
4. Локтева М. Е. Древнерусские наименования лиц женского пола (в сравнении со старославянскими): дисс. ... к. филол. н. Ростов н/Д, 2013.
5. Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI-XVIII вв.). М.: Флинта, 2021а.
6. Никитин О. В. Проблема этнолингвистического изучения памятников деловой письменности. М.: Флинта, 2021б.
7. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование. Казань: Изд-во Казанского университета, 1987.
8. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1990.
9. Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987.
10. Хусаинова Р. Р. Наименования лиц в региональной письменности (на материале памятников Казанского края XVI-XVII вв.) // Филологические науки. 2014. № 3.

Информация об авторах | Author information

RU Николаева Наталия Геннадьевна¹, д. филол. н., проф.
Хусаинова Римма Раисовна²
¹ Казанский государственный медицинский университет
² Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана

EN Nikolaeva Nataliya Gennadyevna¹, Dr
Khusainova Rimma Raisovna²
¹ Kazan State Medical University
² Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N. E. Bauman

¹ natalia.nikolaeva@kazangmu.ru, ² irisma25@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.01.2023; опубликовано (published): 31.03.2023.

Ключевые слова (keywords): деловая письменность; nomina agentis; редкая лексика; региональная лексика; историческое словообразование; business writing; rare vocabulary; regional vocabulary; historical word formation.